

АРХИТЕКТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В РОМАНЕ «БАУДОЛИНО» У. ЭКО

Я. А. Патчина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yana.patchina@mail.ru;

науч. рук. – Е. С. Гинак

В данной работе рассматриваются архитектуральные связи в романе «Баудолино» итальянского писателя У. Эко. Дается определение понятию «архитектуральность», приводятся примеры данного типа интертекстуальных связей в романе. В нем наблюдается смешение средневековых и современных жанров литературы: хроники, рыцарских романы, канцон трубадуров и вагантов, детектива, утопии, исторического романа и других жанров. Трансформация и пародия различных жанров двигают сюжет и привносят новые смыслы и интерпретации для читателя. Благодаря жанровому синкретизму Баудолино приобретает черты типичного для того или иного жанра героя, выступая в роли студента, летописца, рыцаря, путешественника, поэта, святого.

Ключевые слова: архитектуральность; архитектуральные связи; интертекстуальность; жанр; смешение жанров; жанровая трансформация.

В самом широком смысле архитектуральность – это жанровая связь текстов. Ж. Женнет считает, что архитектуральная связь представляет собой такую связь, с помощью которой текст включается в различные типы дискурса [1, с. 470]. Посредством интертекстуальности представляется возможным выявление связи, существующей между текстом и родовой категорией, к которой он принадлежит» [2, с. 54]. Жанр не только заимствует особенности, присущие другому жанру, но и меняет свою собственную структуру. Проявлением архитектуральности Ж. Женнет считал также смешение жанров или пренебрежение жанровым каноном. Архитектуральность нацелена на установление диалога жанров, на их различные вариации и трансформации.

Роману «Баудолино» («Baudolino», 2000) в полной мере присуще свойство архитектуральности; в произведении переплелись и трансформировались различные жанры средневековой литературы: средневековая хроника, жанр *mirabilia*, рыцарский роман, поэзия трубадуров и вагантов.

Следует отметить, что жанр средневековой хроники в романе У. Эко трансформируется на двух уровнях, а именно: историческом и метaihсторическом. На историческом уровне осуществляется заимствование хроникального материала и его творческая переработка. Известно, что У. Эко при написании своего романа использовал многочисленные материалы из хроник Страбона, Плиния Старшего, Никиты Хониата, Гийома Тирского, Анны Комниной, а также другие документы.

В начале романа читателю предлагается отрывок хроники Баудолино, его первая попытка рассказывания истории. Однако с первых же страниц можно заметить несоблюдение канона средневековой хроники. Во-первых, главный герой пробует писать свою первую хронику не на латыни, в отличие от придворных историографов, а на своем диалекте местечка Фраскеты: «Ratispone Anno Dommini Domini mense decembri mclv kronica Baudolini cognomento deAulario io Baudolino di Gالياudio de li Aulari con na testa ke somilia un Kone alleluja sieno rese Gratie alsiniore ke miperdoni ayoface habeo facto il rubamentopiùgrande de la mia vita cio è opreso» [3, с. 9]. Примечательно, что Баудолино при написании своей истории смешивает латынь, диалект Фраскеты и немецкий язык, что создает эффект макаронического стиля, который, разумеется, не мог быть использован в официальной хронике. Кроме того, главный герой употребляет не только разговорную речь, но и непристойные слова и выражения.

Если обычно хронисты писали и восславляли правителей, их политику и завоевания, то Баудолино пишет скорее свою автобиографию, которая получила бы название «Gesta Baudolini». Император, который должен был стоять в центре повествования, упоминается лишь мельком. Что касается основного повествования, когда Баудолино рассказывает свою историю Никите, то читателям представляется фигура императора и большинство произошедших событий в сниженном стиле. К примеру, Баудолино так описывает коронацию императора в Риме хронисту Никите Хониату: «Во-первых, Святой Петр в Риме, по сравнению с вашей Святой Софией, – это клетушка, причем достаточно облезлая. Во-вторых, положение в Риме в те дни было неопределенное. В-третьих, невозможно было понять как следует, папа ли хамил императору или император хамил папе» [3, с. 46].

Примечательно, что на этом уровне представлено взаимодействие средневековой хроники с детективом и историческим романом.

На метаисторическом уровне изображен процесс создания хроник и других документов, а также их фальсификации. Кроме этого, показаны исторические этапы развития жанра средневековой хроники и концепции истории.

Следующий жанр, имеющий место в романе «Баудолино», – это жанр *mirabilia*, который создается на стыке бестиариев, записок путешественников, энциклопедий и других «чудесных» жанров.

В романе У. Эко «чудесное» неразрывно связано с легендами о пресвитере Иоанне, который в Средневековье считался владыкой трех Индий. Кроме того, Баудолино является создателем многих других легенд, например, о Волхвоцарях или о чудесах Рима. В «Баудолино» чудеса являются второстепенным компонентом; само произведение построено на

взаимодействии фантастического и исторического. Примечательно, что в тексте представлены два направления этого жанра: одно основано на познании мира через книгу, другое же выводит на первый план познание эмпирическое. Процесс взаимодействия этих двух тенденций отражен в композиции романа «Баудолино»: главный герой сначала узнает о чудесах Востока из книг, пополняет эту информацию собственными сочинениями, а потом – по его собственным словам – отправляется на поиски этих самых чудес. Главный герой выражает мысль, согласно которой все на свете можно узнать через тексты: «В университетах хорошо то, что многое воспринимается от преподавателей, но не меньшее от друзей, особенно от тех, кто тебя взрослее, они делятся с тобой прочитанным и ты обнаруживаешь, что в мире полно интересного. Чтобы познать все это, поскольку по определению объездить весь мир жизни не хватит, имеется один выход, прочитать все в мире книги» [3, с. 86].

В романе «Баудолино» присутствуют черты рыцарского романа. У. Эко использует различные сюжеты и образы из известных рыцарских романов, написанных в эпоху Средневековья: «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристан и Изольда», «Окассен и Николетта», «Флуар и Бланшефлер», «Ивейн, или Рыцарь со львом», «Клижес», «Эрек и Энида» Кретьена де Труа и т. д. В романе «Баудолино» присутствуют мотивы и образы, присущие средневековым куртуазным романам, например, мотив поиска святого Грааля. Представлен также конфликт, взятый из романа «Тристан и Изольда», – любовь Баудолино к жене императора, Беатрисе. Образ Беатрисы в произведении У. Эко совпадает с куртуазными представлениями о прекрасной даме: «Волосы золотого отлива, лик миловидный. Рот, небольшой и алый, напоминал спелый плод. Ее зубы были ровны и белы, поступь пряма, взгляд прост, а глаза были светлого цвета» [3, с. 64].

Несмотря на это, Баудолино, служащий своей даме сердца, пишет ей письма не о любви, а о чудесах, известных ему: «Он рассказывал про Албанию, где обитатели столь белокожи, сколь никто иной на свете, и растительность имеют на теле жиже, нежели усы у котов. В другой стране, продолжал Баудолино, люди, глядя на восток, отбрасывают тени от себя направо» [3, с. 92].

Как в рыцарских романах, в «Баудолино» идея путешествия и подвига играет значительную роль. Однако, нарушая канон рыцарского романа, Баудолино не совершает ни одного подвига и не участвует в кровопролитных войнах.

В то же время, заметно снижение пафоса, присущего рыцарскому роману: «Тут в константинопольский верховный кафедральный собор Святой Софии въехал Баудолино. Прекрасный, как Саладин, на лошади, чей

чепрак был чуден, со рдяным крестом на груди, с голым мечом и с во-
плем: „Разъязви вас огонь в бога и в рот и в душу, в чертову мать и в пе-
ченки, христопродавцы, олухи, свиньи, паскуды, беззаконничать над
добром Господа нашего Христа Иисуса?!“» [3, с. 28].

Примечательно, что «лес» как место укрытия и встречи влюбленных
Баудолино и Гипатии отсылает к таким романам, как «Тристан и Изоль-
да», «Окассен и Николетта»; а «мнимая смерть» Фридриха отсылает к
«Клижесу» и «Эрику и Эниде» Кретьена де Труа.

В романе «Баудолино» представлены куртуазная лирика и поэзия ва-
гантов. В романе проявляется и архитекстуальность между поэзией Аб-
дула и Рюделя, заключающаяся в приведении фрагмента лирики труба-
дура со всем присущем ему стилем [3, с. 98].

Представлена поэзия вагантов, которая представляет собой поэзию
светского содержания, написанную на латинском языке. В романе «Бау-
долино» содержится лирика Архиппииты Кельнского, который является
прототипом Поэта, спутника Баудолино. В тексте представлено его сти-
хотворение «Исповедь», написанное якобы Поэтом, но на самом деле
Баудолино. К тому же, здесь проявляется и архитекстуальность между
поэзией Абдула и Рюделя, заключающаяся в приведении фрагмента ли-
рики трубадура со всем присущем ему стилем [4, с. 98].

Эпистолярный жанр также не соблюдается полностью в романе.
Главный герой пишет стихи сразу за обоих: за себя и за свою возлюб-
ленную, при этом имитируя женский почерк: «Красивые получались
письма. Перечитывая их, Баудолино распался и все больше очаровы-
вался созданием, умевшим вдохновлять подобный жар. Дошло до того,
что он не мог уже жить, не зная, что ответит Беатриса на весь этот на-
сладительный напор. Он решил добиться ее ответа» [3, с. 100].

Детективный жанр разворачивается в основном вокруг смерти Фрид-
риха Барбароссы, императора Священной Римской империи. На него
было совершено «покушение» в закрытой комнате; узнав это, Баудолино
и его спутники опасаются, что в убийстве Фридриха обвинят их, выбра-
сывают в реку тело еще живого императора. В конце романа Баудолино,
все годы пытавшийся понять, кто же убил Барбароссу, сам оказывается
его убийцей, что является аллюзией на детектив «Убийство Роджера Эк-
ройда» Агаты Кристи, в котором рассказчик и убийца является одним и
тем же лицом.

Таким образом, в романе «Баудолино» происходит взаимодействие
средневековых и современных жанров, видоизменение которых стано-
вится основными двигателями сюжета. Баудолино – это «хамелеон», ко-
торый является точкой пересечения различных жанров: «Никита, собе-
седник Баудолино, слушал львиноголового собеседника, оценивал изяще-

ство выражений и сдержанную риторичность его почти литературных греческих оборотов, гадая, что за существо перед ним, способное выражаться как скотопас, передавая речь односельчан, но и с королевским достоинством, пересказывая беседы с придворными и с монархом. Есть ли душа, недоумевал он, у этого субъекта, имеющего разные голоса для показа различных душ? И если в нем живут различные души, которую из них я-то сам принимаю за истинную?» [3, с. 65]. Баудолино в романе перевоплощается в летописца, рыцаря, путешественника, студента, следует жанровым канонам, а если и нарушает их, то также делает это по определенным правилам, предвосхищая ход развития литературы.

Библиографические ссылки

1. *Женетт Ж.* Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 1.
2. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 2008.
3. *Эко У.* Баудолино : роман / пер. с итал. и послесл. Е. Костюкович. М., 2017.
4. *Eco U.* Baudolino. Milano, 2004.